

М. П. КОЛОНЧУК,
М. В. КОЛОНЧУК

УЗКОКОЛЕЙКА

Автобиографическая
повесть

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2017

УДК 792.2.071.2(476)
ББК 85.334(4Беи=Рус)
К61

Колончук, М. П., Колончук, М. В.

К61 Узкоколейка : автобиографическая повесть / М. П. Колончук, М. В. Колончук. — Минск : Четыре четверти, 2017. — 120 с. : ил.
ISBN 978-985-581-070-5.

Книга «Узкоколейка» знакомит с судьбой жителя деревни Святая Воля Ивацевичского района Брестской области. История записана внуком автора и повествует о деревенском укладе после Первой мировой войны, о партизанском движении и боевых действиях во время Второй мировой войны.

УДК 792.2.071.2(476)
ББК 85.334(4Беи=Рус)

ISBN 978-985-581-070-5

© Колончук М. П., Колончук М. В., 2017
© Климова Н. В., иллюстрации, 2017
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2017

Я родился 27 декабря 1922 года в деревне Святая Воля Ивацевичского района Брестской области. Моих родителей звали Парамон и Дарья. Они поженились в 1911 году, и через год появился на свет мой старший брат Андрей. В начале Первой мировой войны почти всех жителей деревни по царскому указу вывезли в Тамбовскую область, где родился второй брат Алексей.

Во время войны в Святой Воле сгорели почти все дома. Вернувшись в деревню в 1918-м, родители приютились в бараке вместе с другими семьями. За два года отец построил дом, в котором родился мой третий старший брат Сергей, я и младшая сестренка Лена. Когда мама ждала шестого ребенка Федора, отец получил нелепую смертельную травму прямо во дворе.

В тот злополучный день весной 1929 года отец вернулся днем с пахоты, пообедал и отправился в сарай за сеном для лошади. Когда он взбирался на чердак, переносная лестница упала. Отец ударился о жердину и, тяжело дыша, вернулся в дом. От удара на животе у отца образовалась большая гематома. Докторов в деревне не было, и мама привела шептуль*. Шептали они, шептали, а состояние отца только ухудшалось. Через два дня приехал врач и посоветовал немедленно отвезти больного в ближайший госпиталь. Моим родным пришлось целые сутки добираться туда на повозке. В госпитале отцу сразу назначили операцию.

* Шептули – женщины, пытавшиеся излечить людей заклинаниями.

Портрет моего отца

Он согласился, сказал: «Если умру, то хоть знать будете от чего». Во время операции отец умер. Врач был рассержен тем, как долго везли больного. Ведь травма была не самая серьезная, и отца можно было спасти.

Неприятности на этом не закончились. Летом мой брат Сергей заболел дифтерией и умер.

После смерти отца старший брат Андрей стал обрабатывать землю, а Алексей устроился на лесопильный завод. Завод был построен на окраине деревни в начале 20-х годов

группой людей во главе с евреем Рабиновичем. Старики рассказывали, что Рабинович сколотил свой первый капитал, собирая тряпки по деревням.

Ежегодно поляки выделяли заводу гектар леса, где любой человек мог валить деревья. Летом никто этим не занимался. Считалось, что в теплую пору дерево расширяется, становится влажным и мягким, зато зимой в лесу каждый день стоял стук топоров. На поваленных деревьях работники завода после замера писали цену и ставили клеймо. Измеренные деревья люди на санях и повозках доставляли в пункт приема. Очередь перед заводскими воротами достигала пяти километров, но двигалась быстро.

В начале 30-х годов отцовская лошадь состарилась и стала с трудом тянуть повозку, нагруженную срубленными деревьями. Мой брат Андрей отвел ее на рынок и обменял на худого черного коня. Мало того, что конь был слабый, так брат еще доплатил

за него сто золотых. Мама очень переживала из-за этой покупки. На пахоте конь пыхтел и часто останавливался. Со временем мы откормили его овсом. Конь возмужал и стал спокойно, не сгибая головы, тянуть плуг.

Однажды мы с братьями погрузили на повозку две елки на четырнадцать золотых. Под тяжестью деревьев колесная ось прогнулась, колеса стали касаться повозки, но конь продолжал тянуть. После этого случая мы укрепили колесную ось и взвалили на повозку еще больший груз – огромную елку на пятнадцать золотых. Люди с интересом пришли посмотреть, потянет ли ее конь. А он с ходу дернул повозку и легко пошел вперед.

Однако Андрей преподнес нам «сюрприз»: обменял коня на лошадь. Та ждала жеребенка, и брат надеялся получить двух лошадей вместо одного коня. Но после рождения жеребенка нам понадобились деньги, и мы продали его, а лошадка заболела и умерла.

Андрей снова купил лошадь. Без нее в деревне трудно было прожить: участки земли находились в разных местах, и дорога к ним отнимала много времени.

В 1936 году польские землеустроители заново разделили землю и предоставили каждой семье по одному большому участку, получившему название «хутор». На хуторах люди строили дома и переселялись в них со своими семьями. Наш участок оказался всего в двух километрах от дома, поэтому мы остались жить в деревне, а на хуторе выращивали различные культуры и пасли коров.

Коров можно было пасти не только на хуторе, но и в лесу. Однако охотиться в лесу простым людям категорически запрещалось. На охоту допускались только избранные персоны, приезжавшие из Варшавы и других городов.

Однажды жители соседней деревни нашли лося, застрявшего в лесном болоте. Они добили его и притянули домой, за что получили большой штраф. Серьезные штрафы предусматрива-

лись также за выращивание табака и изготовление самогонки. Любителям дешевого табака приходилось выращивать его в труднодоступных местах на болотах.

Зато никаких запретов, связанных с ловлей рыбы, не существовало – люди мешками возили с рыбалки щук и вьюнов. Ловили рыбу кломнями: сетками в виде полуколпаков. Слизистых вьюнов рыбаки дома бросали в бочку и засыпали солью. Под действием соли вьюны недолго крутись и затихали. Тогда их доставали, а потом варили или сушили.

Особым деликатесом на любой свадьбе считался запеченный ерш. Ловили ершей на озере возле деревни Бобровичи. Жители этой деревни еще не имели хуторов, жили беднее и часто приезжали в Святую Волю продавать рыбу.

Я редко бывал на рыбалке. Мама каждый день занимала по пятнадцать соседских коров и часто отправляла меня пасти их. Работа на пастбище приносила нашей семье хороший доход: за каждую корову получали в конце лета два пуда зерна. Помогая матери, я часто прогуливал уроки в школе. Из-за плохой посещаемости учителя несколько раз вызывали маму к директору. Но учеба давалась с трудом не только из-за прогулов. Мама каждый год покупала для меня всего один учебник на польском языке, хотя у соседа по парте всегда была полная сумка книг. В результате за семь лет обучения в школе я окончил полностью только четыре класса. Моя младшая сестра вообще не пошла в школу. Дома она была незаменимым помощником: смотрела за младшим братом и готовила еду.

Наша еда была неприхотливой: запеченная картошка, вареные овощи и молоко. Хлеб мама с сестрой пекли сами. Для приготовления теста использовали молотое зерно и специальные закваски. В результате буханка даже через неделю после выпечки казалась свежей.

Остатки зерна мы продавали евреям. Евреи, хоть и не платили больших денег, но рассчитывались быстро. По более выгодной

цене зерно или корову можно было продать на базаре в центре деревни. В выходные дни на базаре собирались много народа, но настоящий бум наступал с приездом польских торговцев. Поляки скупали всех коров и уводили скотину табуном для дальнейшей перепродажи.

Некоторые жители нашей деревни в поисках достойного заработка уезжали в далекие страны. Один человек по прозвищу Хамель побывал в Америке, но ничего не заработал и налегке вернулся домой. Этот факт мог остаться незамеченным, если бы по деревне не разлетелась одна история из жизни Хамеля за океаном. Была она на самом деле или придумали ее люди, решайте сами. История гласит, что по приезде в Америку Хамель купил газету. В транспорте он развернул ее и начал читать. Но наш земляк был безграмотным и держал газету вверх ногами. Один из пассажиров поинтересовался: «Как вы читаете?» На что Хамель невозмутимо ответил: «Я и так понимаю».

Владелец фуфайки из Телехан сдержал обещание и подал на меня в суд. Я подошел к Андрею Антоновичу Хацкевичу, работавшему секретарем телеханского райкома партии, и рассказал о проблеме. Он махнул рукой и сказал: «Даже не переживай». На суде меня спросили, где эта фуфайка. Я ответил, что летом 1944-го из-за сильной жары оставил фуфайку в деревне Лобча во время атаки отступавших немцев. Присяжные посовещались и признали меня невиновным.

В 1950 году работы в кузнице стало мало, и ее сократили. Кузнецам предложили работу в лесничестве. Мой напарник отказался. Я последовал его примеру и сосредоточился на строительстве дома.

В это время на железнодорожной станции рабочие разобрали немецкий барак. Мои родные остались без кровла и временно переехали в мой недостроенный дом. Собрав последние сбережения, мама купила дом моему брату Алексею. С этого момента в жизни нашего семейства настутили тяжелые времена. Оставшись без «золотого запаса», мама не успевала вовремя платить налоги.

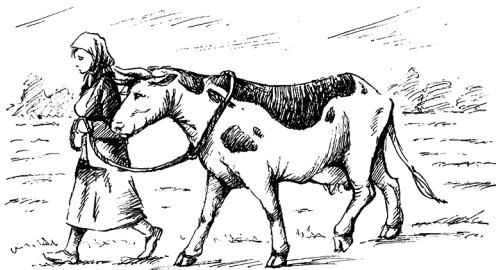
Вскоре в мой дом приехали два человека описывать мамино имущество. Сначала они забрали всю землю на хуторе, затем стали описывать имущество в доме и дошли до швейной машинки. Я взял ее в руки и сказал: «Это моя машинка. Я купил ее брату Федору, работая на станции». Один из налоговиков недоуменно посмотрел на меня и сказал: «Ого! Смотрите, какой он!» Но забрать машинку не решился.

По деревне прошел слух, будто безработные семьи скоро окажутся в Сибири. Безработные зашевелились. Я всерьез задумался о поездке на Донбасс для работы в горнодобывающих шахтах. Впоследствии многие люди вернулись с рудников с заболеваниями дыхательных путей. Меня от поездки на Донбасс уберег знакомый парень из Янова. Поиски работы привели его в наш колхоз. Поговорив с председателем, он зашел ко мне и пред-

ложил: «Мыша! Давай пойдем в колхоз работать. Ты кузнецом, а я – шорником*». У меня уже было двое детей – я согласился. И братья мои тоже в колхоз пошли. Про наши неоплаченные налоги больше никто не вспоминал.

Зато ко мне стал часто заходить участковый с одной и той же просьбой: «Отдай паспорт! У нас этот документ тебе больше не нужен». Долго он ко мне ходил. Надоел так, что однажды я отдал ему свой паспорт и с тех пор надолго прописался в колхозе.

С годами события войны все реже напоминали о себе. Но спустя два десятка лет мой племянник оживил их, пригласив моих родных свататься в деревню Озаричи. Возле дома невесты близкие обомлели: это был тот самый дом, откуда партизаны привели нам худую корову! Потоптались мои родные возле забора и все-таки зашли в гости. За столом притупились старые обиды, а бывшие враги несколько дней плясали вместе на свадьбе.

* Шорник – мастер, ремонтировавший хомуты для лошадей.

ОБ АВТОРЕ

*Михаил Парамонович Колончук прорабо-
тал в колхозе кузнецом более тридцати лет.
Награжден орденом Ленина, «Знаком Поче-
та». Ему присвоено звание «Заслуженный
работник сельского хозяйства БССР». Когда
книга готовилась к печати – 08.08.2016 г. –
Михаил Парамонович умер. Он похоронен на
кладбище в деревне Святая Воля.*

СОДЕРЖАНИЕ

Узкоколейка	3
<i>Об авторе</i>	118